

Мастера охмурения

Сов. Россия. — 1997. — 15 нояб. — с. 8

Чтобы привлечь внимание самой широкой публики к своей телевизионной многосерийной программе «Гибель галантного века», Эдвард Радзинский снабдил ее «клубничным» подзаголовком «Взгляд на историю с постелей королей»: какому обывателю не хочется посмотреть в замочную скважину двери, ведущей в чужую спальню, а тут приглашают не к замочной скважине, а прямо в постель, и не чью-нибудь — королей; больше того, предлагают с высоты королевских перин посмотреть на весь мир — с ума сойти!

Исполняя свою программу, Радзинский очень старался удержать уже заинтригованного зрителя, надежно примагнитить его к экрану: то принимал вид погрузившегося в раздумье роденовского Мыслителя, то изваянного Гудоном язвительного Вольтера, то грустно вздыхал, то весело или ехидно хмыкал, то поднимал звенящий негодованием голосок почти до крика, то опускал его до интимного полусвета. Отсутствие притягательных внешних данных он компенсировал разнообразием поз, динамикой интонаций и мимики. И еще — он потрясал эрудицией, знанием мельчайших подробностей, он «наизусть цитировал» письма, дневники, мемуары людей минувших эпох. Такой труд достоин внимания и уважения. Жаль только: цель, ради которой Радзинский в поте лица «городил огород» и «развешивал клюкву», уважения едва ли достойна.

Гусинско-чубайсовское телевидение поставило «Гибель галантного века» в канун празднования 80-летия Великого Октября и сделало это вовсе не случайно, как не случайно подготовило для показа именно в это время плотный ряд кинофильмов, прямо или косвенно оценивающих Октябрьскую революцию как беду человечества, окрашивающих ее лишь одной — черной — краской, а мир, который эта революция отрицала, — радугой светлых тонов.

Радзинский сверкал в струе этих фильмов и подобных им передач. Он млеял от восторга, живописуя век расцвета абсолютной монархии во Франции, когда короли, их «помпадур» и «помпадурши», обжираясь неограниченной властью над народом, бесились с жиром, утопали в роскоши и разврате; взахлеб повествовал о сексуальной мощи короля-Солнца Людовика XIV, об амурной ненасытности королевы Марии Антуанетты, на удовлетворение капризов и прихотей которой уходило почти все, что создавал своим трудом народ целой страны. В голосе нашего историка звучало презрение, когда он говорил о «черни», называвшей Марию Антуанетту «австрийской шлюхой». Похоже, «галантный век» и его хозяйка — общество господ и рабов — идеал Радзинского, так как и о «галантном веке» русской императрицы Екатерины II он высказывался в таком же одическом и одновременно ностальгическом духе.

Убедительным доказательством величия французских и русских монархов Радзинский счел произнесенные Людовиком XVI, Марией Антуанеттой и Николаем II слова прощения тем, кто приговорил их к смерти.

Стоп! Остановимся и посмотрим, куда ведет нас «демократический» Сусанин. Поразмислим. Прощать могут лишь невиновные виновным. Обиженные обидчикам, ограбленные грабителям, терпящие страдания — мучителям. Виновные, обидчики, грабители и мучители должны просить прощения, а не прощать. Радзинский ведет нас к тому, чтобы мы Николая Кровавого признали святым, а народ виноватым...

Величайшие умы человечества: Пушкин, Лев Толстой, Маркс, Ленин и многие другие — считали народ творцом истории, первой по значимости, главной, решающей силой исторического развития. Радзинский с мальчишеской бойкостью перечеркивает этот закон своим: в истории роль первой скрипки принадлежит элите общества. Доказательства? Пожалуйста. Когда французский престол занял Людовик XVI, постельным традициям «галантного века» был нанесен страшный удар: новый король оказался неспособным поддерживать их, и элита общества отвернулась от него. Потом на площади вышли сапожники.

«Они всегда приходят потом». И Людовик XVI пал. Вместе с ним пал «галантный век».

Поздравим Радзинского с открытием нового закона исторического развития — закона вторичности сапожников и первичности мужской силы королей!

Пусть тачавшему сапоги графу Льву Толстому будет стыдно за свои рассуждения: если господа погибнут, люди труда останутся; если погибнут люди труда, погибнут и господа. Радзинский не снизойдет до возражений графу-сапожнику, не станет отвечать на его грубый прямой вопрос: что смогли бы сделать цари, министры, полководцы, если бы их не обували, не одевали, не кормили, не снабжали оружием люди труда?

Да и некогда нашему великому историку отвечать на всякие вопросы — он занят открытием новых и новых исторических законов. Любопытствуете знать? Слушайте: «Закон революций — убивать, убивать, убивать!».

Говорят, взрослые умные дяди посмеялись над одним шустрым мальчиком, который вздумал доказывать им, что на соседней улице все девочки рыжие, потому что первая же девочка с этой улицы, которую встретил мальчик, была рыжая.

Посмеемся и мы над Эдиком Радзинским, который, увидев, что революция во Франции, принесшая гибель «галантному веку», была кровавой, закричал:

«Все революции кровавые! и Октябрьская в России тоже! хоть кол мне на голове тешите, не поверю, что она была «бескровной».

Про кол Эдик не говорил — чего не было, того не было, но он говорил, что убивать для революционеров — непреложный закон, а это и значит «хоть кол на голове тешите». Сколько же времени надо тесать его на голове Радзинского, чтобы тот признал очевидное и общеизвестное: членов свергнутого Временного правительства революция не казнила, обезоруженных защитников Зимнего отпустила под честное слово, а «красный террор» была вынуждена вести в ответ на «белый».

Обвинять в крови надо не революцию, а контрреволюцию. Радзинский, конечно, вправе возразить: не было бы революции — и контрреволюции бы не было. Тогда продолжим: революция бы не произошла, если бы не кровопийство «господ», дравших с народа три шкуры. Причина революций — не импотенция того или иного правителя, а недовольство народа существующими государственными порядками, его решительное несогласие с ними, стремление к лучшей жизни. Это справедливое недовольство и святое стремление не имеет внутренней, обязательной, закономерной связи с убийствами, кровью. Не они — смысл и цель революции. А если жестокость сопровождает решительную замену старого новым, — это следствие сопротивления старого. Количество крови зависит от степени злобности сопротивления, степени преступности старого мира и его масштабности. Падая, он рушит многое, многих и долго смердит. Этот смрад — его мораль, верования, привычки, традиции. Массовая неграмотность, бескультурие, рабская, собственническая, шкурническая психология — это смрадное стойкое наследие старого мира и после Октябрьской революции принесло нашему народу много зла. Именно так бы и надо трактовать трагические явления и события, которые дали материал для таких фильмов, как «Заброшенный в Сибири», а не выдавать эти явления за суть коммунизма и его порождение.

Сегодня сбывается пророческое предупреждение Маяковского о том, что мировой капитал в борьбе за самосохранение непременно пустит в ход оружие своей последней надежды — ложь, клевету, духовное охмурение масс. Это самое коварное и страшное оружие. Куплены и активно действуют тысячи мастеров охмурения — бесчисленные Эдварды, Эльдары, Роланы, Марки. У многих и русских имена.

Виктор ПУТИНЦЕВ,
заслуженный учитель,
кандидат педагогических наук.
г. Нолинск,
Кировская область.